
ПОСЛЕ УТОПИИ: ТОПОС ДРУГОГО И ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

С.В. Рудановская

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности утопического воображения и его трансформации под воздействием информационной среды. Основное внимание уделяется мутопии, которая включает утопию как текст, предназначенный для чтения на границе с другими текстами, но исключает потребность в утопическом мета-другом, изменяющем отношение к существующему обществу. Социальный наблюдатель в мутопии — это, прежде всего, искушенный читатель, не имеющий привилегированной позиции Разума и Реальности, своего рода виртуоз в серфинге, использующий неопределенность, подвижность и информационную насыщенность ментальной среды для собственных текстовых маршрутов. Постутопическое мышление рождается из особого опыта наблюдения и анализируется в данной статье на основе «Заметок о мутопии» И. Чичери-Ронай.

Ключевые слова: утопическое воображение, мутопия, постутопическое мышление, информационное пространство, кибер-мобильность, искушенный читатель, опыт другого.

Утопия: конструирование пространства разумного

Утопия часто является синонимом заведомо завышенных, невыполнимых ожиданий; утопические проекты — не столько проекты, сколько мечтания, оторванные от реальности, не учитывающие сдерживающую силу множества обстоятельств. Мыслить утопически — значит быть равнодушным к существующим социальным ограничениям, не понимать сложных отношений между теоретическими построениями и практическими действиями. В этом смысле утопии — побочные продукты конструирования социального, неудачные проекты социальных изменений.

Однако утопия входит в тезаурус культуры не только в качестве негативной оценки реформаторских начинаний, но и в качестве умозрительной картины идеального социального устройства в рамках литературных повествований или философских изысканий. Такого рода утопия является результатом лингвистического конструирования социального на уровне истории, предназначенной для чтения, слушания, размышления. Чтение утопии значит больше, чем эстетическое наслаждение подробностями другой повседневности, — оно предполагает социальную рефлексию, возможность заново определиться в отношении к привычному континууму повседневных явлений.

Воображаемое присутствие утопии показывает, что существующий образ жизни не является единственно возможным, неизменным, что у него есть свои пространственные и временные границы.

Будучи по своей природе далеким «островом», утопия превращает известную социальную реальность в один из континентов на символической карте человеческих устремлений. Утопическое сознание выходит за рамки наличной действи-

тельности, удостоверяясь в ее безнадежном несовершенстве по сравнению с идеальным alter ego социального.

В утопическом повествовании подчеркиваются границы между идеальной средой, в которой господствуют идеи общего блага, разумного участия, заслуженного счастья, и средой «смешанной», где личные интересы, воля к власти и действие случая перекрывают благие начинания, а результат разумных действий не гарантирован. Утопия актуализирует и доводит до степени оппозиции представления о должном и реально существующем, контрасты между миром, в котором большинство озабочено проблемами выживания и личной выгоды, и миром, в котором достойная разумная жизнь возводится в общее правило, без исключений.

В утопии не предусматривается наличие конфликтующих противоположностей, трагических контрастов и потрясений. Утопия — это, прежде всего, образец «прозрачного» общества, в котором все установления предельно ясны и понятны, все социальные механизмы работают как часы (поэтому герою повествования достаточно один раз прослушать цикл лекций об устройстве социума, чтобы уметь разбираться в происходящем).

Пространство утопии предельно открыто для созерцания, не содержит изнанки существования, которую необходимо изобличать, познавательных барьеров, которые нужно преодолевать. Подозрительность по отношению к происходящему оказывается неуместной, поскольку никто и ничто не вводит в заблуждение. Утопия — идеальная воображаемая среда для наблюдателя (которым на время оказывается читатель), за исключением того, что гомогенный и алгоритмизированный характер этой среды исключает иные трактовки происходящего. В пространстве воплощенного идеала точки зрения всех наблюдателей уравниваются, становятся неразличимы. «Прозрачное» общество утопии располагает к одной единственной точке зрения (недаром герои любой литературной утопии, как правило, подхватывают и продолжают речи друг друга, образуя своеобразный монолог в дидактическом духе).

Утопия — картина полного соответствия между сознанием и реальностью, социальный космос, знание о котором не меняется со временем, впрочем, как и сознание познающего. Но представление об этом социальном космосе достигается благодаря воображаемой «вылазке» за пределы исторического пространства с его коллизиями, борьбой и непредсказуемыми результатами предпринимаемых действий. В утопии не существует риска не успеть или опоздать, лишиться занимаемой позиции, оказаться в безвыходной ситуации. Утопия — одновременно образ механизма, в котором все продуманно до мелочей, и образ природы, в которой все растет и развивается, но не выходит за свои пределы, подчиняется биологическим циклам смены дня и ночи, зимы и лета.

В определенной степени время утопии сродни мифологическому времени, в котором не может произойти ничего принципиально нового и к которому можно всегда обратиться, актуализировав его в своем сознании (в случае мифологии — посредством ритуалов, в случае утопии — посредством чтения, письма, дискурса).

Однако мифологическое время — период зарождения начал, тогда как утопия символизирует период достижения совершенства, время финалов, завершающую стадию, в которой остается то, что выдерживает проверку на соответствие идеалам.

Вместе с тем «вечное» мифологическое время — своеобразная амортизация потока повседневных событий в простых обществах, в то время как утопия, не обладающая определенным временем и пространством, — источник беспокойства и напряжения в сложной исторической реальности. Переход к мифологическому времени в ритуалах — подключение к источнику первоначальной творческой энергии, делающей человека сильнее в борьбе с жизненными невзгодами.

Воображаемое обращение к утопии во многом есть результат делегитимации естественной установки сознания, которая более не обладает сдерживающей силой и подвергается критическому переосмыслению. Мифологическое время настраивает на режим жизненных повторений, тогда как утопия размыкает горизонты повседневности, настраивает на принципиально новое устройство социального общежития, дарит надежду на изменения, даже когда чтение заканчивается.

Несмотря на то, что утопия требует движения к «другому», пересмотра «естественной» установки сознания, этот «переход» не означает лиминарного положения на границе бытия и небытия, не сопровождается потерей почвы под ногами.

Утопия — «переход» к другой повседневности, которая характеризуется стабильностью, жизнью в согласии с другими и не предполагает пограничных ситуаций заброшенности и одиночества. Естественная (наивная) установка сознания на уровне утопического идеала полностью вытесняется рациональной установкой, благодаря которой возникает «естественная» склонность добиваться и поддерживать в своих отношениях с миром декартовскую степень очевидности (позволяющую человеку отдавать себе отчет во всех своих действиях, а также во всех управленческих решениях). Поэтому «переход» в большей степени означает возвращение к «естественным» принципам разумной жизни, преодоление границ, установленных с молчаливого согласия неразумного большинства, переход к территории, на которой нет непродуманных или потенциально опасных сегментов пространства, провалов смысла.

Социальное наблюдение, ориентированное на утопию, проникнуто сожалением о неразумной действительности и, в то же время, психологией «свободного движения», стремлением преодолеть пространство (где действуют принципы физической и социальной необходимости) и обратиться к *topos*'у, олицетворяющему собой результат неотчужденного мышления и сознательного выбора в конструировании социального.

Мутопия: пространство «му»

Термин мутопия одновременно отсылает и к понятию утопии, и к термину «му», взятому из словаря дзэн-буддизма.

Му — ответ учителя ученику, вопрошающему о сути вещей (1); ответ, не содержащий в себе никакого приращения знания или прояснения идей и, более того, в первом приближении не имеющий никакого отношения к самому вопросу. Это определенная борьба с языком культуры, намеренная какофония, приостанавливающая инерцию привычной интерпретации жизненного мира, обиденного восприятия действительности. Му — знак измененного состояния сознания и одновременно путеводитель для тех, кто хочет достичь этого состояния, освободив-

шись от культурных штампов и мудрствований «различающего Я» [4. С. 561]. В состоянии просветления, к которому ведет «му», исчезает взгляд «человека культуры», привыкшего оценивать и дифференцировать явления окружающей действительности, исчезают общезначимые пространственно-временные ориентиры как детерминанты понимания мира и самосознания (2).

Му свободно от утопических порывов и не нуждается в воображаемом «переходе» к другому обществу. Это олицетворение традиции самосовершенствования, в рамках которой, изменяя свое сознание и следуя естественному пути, человек становится «своим» в любом месте, и любое место оказывается для него наилучшим: «Вы более не носите старого церемониального одеяния; вы идете босиком, с голой грудью. Вы приветствуете все» [4. С. 656]. Это образ просветленного, чей путь не зависит от особенностей ландшафта, социальных установлений, оценочных категорий и личных предпочтений. Му — мудрость, не укладывающаяся в слова и дающая возможность невербального понимания и принятия жизни в целом, во всех ее проявлениях (в том числе и вербальных) (3).

Мутопию можно определить как место, где не придают значения месту как таковому, или место, которое существует лишь для тех, кто практикует «му». Но в современном западном сознании «му» приобретает иные коннотации, связанные с «неразличающим Я» которое не в состоянии дифференцировать явления. Мутопия оказывается характеристикой современного общества, в котором все границы подвижны, преодолимы, а в массовом сознании господствует конгломерат фрагментов из различных культурных миров: «Впишите нечто свое в историю, связанную с СиЭнЭнтелеполитикойЗолотойКартойсовершающегочастыетранснациональныеперелетымиромдомашнихпокупокневероятномасштабнымипроектамиторговливенгерскимхипхопомтрещинойвБенаресе» [8. Фрагм. 1]. Му ведет не к новой интеграции мыслительной деятельности, но к интенсификации эклектичного мышления, являющегося атрибутом обыденного сознания во все эпохи. Потребность различать замещается потребностью быть в курсе происходящего или быть причастным к тому, что попадает «в эфир», о чем говорят.

Мутопия — не хорошее и не плохое место, но место, ускользающее от определений, зависимое от потоков информации, распадающееся на множество мест, каждое из которых человек может считать «своим», в то же время испытывая безразличие к месту как таковому. Место перестает быть определяющим для самосознания человека, во-первых, в силу своей неопределенности и смысловой изменчивости, а во-вторых, в силу географической мобильности самого человека.

В мутопии любое место «временно» (в том числе и позиция социального наблюдателя), дискуссионно, является версией той или иной жизненной истории, выступает следствием человеческих и социальных отношений. Мутопия не просто побуждает к движению, она не допускает окончательно упорядоченного пространства. Любые границы здесь условны и не воспринимаются в качестве ограничений или неизменных констант: «даже когда люди живут на одном месте на протяжении нескольких поколений, они находятся в мире с перемещающимися границами (the world migrates under them)» [8. Фрагм. 1].

В мутопии не может быть ни когнитивной ясности утопии, ни привычных определений жизненного мира социального; это место порождает в целом «смутные» представления о фактологической стороне вещей, но не обязательно вносит «смуту» в самочувствие индивида. «Му» — суммарный эффект всех попыток дать достоверные определения происходящему, составить «разумную» карту действительности, придающую уверенность социальным наблюдателям. Однако это также среда, открытая для всех мыслительных экспериментов, составления множества карт. Поэтому, с одной стороны, разумный наблюдатель в мутопии занимает оборонительную позицию: «Держись двумя руками, надвигается большая волна» [8. Фрагм. 1]. С другой стороны, этот девиз взят из серфинга и адресован не столько стороннему наблюдателю, сколько виртуозам, скользящим на волнах с использованием силы волн.

Позиция социального наблюдателя в мутопии отличается и от позиции скептика, фиксирующего общий факт непостоянства, онтологической сложности действительности, и от позиции экзистенциального философа, переживающего факт временности и неустойчивости существования. В отличие от скептика социальный наблюдатель находится под воздействием «места», не имеет возможности отстраниться от потока событий, сохранить познавательную дистанцию и автономию наблюдателя, как это было в классической философии. Желание обрести устойчивую позицию «на берегах мира, движущегося подобно огромному потоку» перекрывается «догадкой о том, что эти берега — не что иное, как более медленные течения одного и того же потока» [8. Фрагм. 31].

Однако в отличие от экзистенциального философа наблюдатель в мутопии восприимчив к разнообразию и множеству контекстов. Его взгляд замечает, но не фиксирует границы, а скорее, следуя за «потоком», открывает их, видя в любом символическом образовании неоднозначность, комбинаторику смыслов, знаки того же самого и одновременно принципиально другого. Неопределенность мутопии — возможность множества определений и интерпретаций, в том числе и интерпретаций самого выражения/коана/метафоры/слога «му», на котором заканчиваются «Заметки о мутопии» [8. Фрагм. 85].

Несмотря на неопределенность и подвижность границ, мутопия не является местом, где невозможно познание, скорее, это место, где познание происходит в условиях и с учетом гипервербальной и меняющейся действительности информационного пространства.

Мутопия: смещения утопического

Утопия этимологически восходит не к «воображаемому пространству» (*topos*, которого нет), но к «другому» любого реального локуса (*не-topos*) [11. Р. 411] и подразумевает радикальное несовпадение между человеческими устремлениями и наличной действительностью, чуждой воплощению этих устремлений. Для начала работы утопической «топографии» необходимы несколько условий: реальность, подавляющая своими ограничениями (или отталкивающая своим упорным сопротивлением разумным проектам, дурной бесконечностью), образ «далекого» идеального общества, возникающего несмотря и вопреки существующим установ-

лениям, а также убежденность в возможности окончательного и безусловного перехода от одного типа социального к другому. Утопия подразумевает протестное воображение и веру в силу рационального дискурса, который способен стать альтернативой существующим социальным установлениям.

Мутопия позиционируется не в качестве противоположного полюса утопии, но скорее как картина действительности, противоположная той, которая порождает утопию. Информационная среда нейтрализует воображение утопического «другого», актуализируя множество интенций и сообщений, оказывающих одновременно освобождающее и рассеивающее воздействие на сознание.

Мутопия действует не путем запретов или цензуры, а путем поощрения ментальной мобильности в антропоцентрическом пространстве образов, идей, догадок о действительности. Разнообразие становится приоритетом, ценностью и нормой восприятия. Происходит «колонизация воображения» [8. Фрагм. 73] деталями повседневности, от которой ожидают постоянных «обновлений», оригинальных сочетаний. «Другое» становится частью наличной действительности, открывая в ней сложность, изменчивость, новые возможности того, что есть, но одновременно размывая границы между важным и второстепенным, реальным и воображаемым, настраивая на протест против однообразия, «застоявшейся» информации, известных фактов.

Мутопия не исключает утопию, но лишает ее онтологического статуса откровения, превращает в текст среди других текстов, расширяющих пространство чтения, но не способных провести дистанцию между тем, что есть, и тем, что должно быть. Мутопия вытесняет утопию как метанарратив и дает простор для мини-повествований, удовлетворяющих общую потребность в «переключении» между сегментами информационной действительности. «Текстовые острова возникают здесь и там, архипелаги цитат, афоризмов, фрагментов, и мы плывем от одного к другому, пытаясь связать точки в единую линию, попробовать нечто небывалое или любить под прикрытием тени. Здесь и сейчас я занимаюсь только этим: скачкообразно перемещаюсь с острова на остров, с кувшинки на кувшинку, из оазиса в оазис, из анклава в анклав. Это движения анахрониста, но лишь одно принимается в расчет: я действую стремительно» [8. Фрагм. 53].

Читатель-пользователь постоянно ищет продолжения чтения, находится в поиске новых символических миров, вызывающих чувство удовлетворения и включенности в коммуникацию (эффект социального). «Другое» — всегда под рукой на уровне потребления, оно становится единицей привычного пространства и времени (калейдоскоп «другого»), заполняя внимание без изменения сознания; специфика другого исчезает в информационном изобилии и спонтанном понимании, характерном для процессов экранного чтения.

Чтение утопии предполагает память о социальном (после воображаемого перехода) и память о «другом» (после воображаемого возвращения). Легкость повествовательного преодоления дистанций на уровне утопического воображения не отменяет эмоционального отношения к границам и дефицитам социального, символического протеста против рамочных условий существования. Читатель утопии получает временный опыт приобщения к другому и неограниченный во вре-

мени опыт несогласия, непримиримости с наличной действительностью. Мутопический читатель не укоренен в социальной действительности и не испытывает потребности в компенсациях заброшенного существования (образ киборга). Для него не существует границ и ограничений в бесконечном саморазвивающемся пространстве знаков, создающих эффект «разумной» открытой действительности, все сегменты которой при желании прочитываются.

Для утопии чтение — способ актуализации идеала, для мутопии — естественное состояние свободы/легкости бытия, безразличное к противопоставлению должного и сущего. Опыт движения к идеалу исчезает в бесконечном перемещении через множество текстов, тяга к освобождению из-под власти необходимости замещается триумфальным переживанием доступности любых сообщений в электронной памяти читающих устройств.

Чтение в мутопии — один из способов гедонистического существования и обретения чувства свободы в бесконечных «переходах», подрывающих волю к истине или протесту. Вполне возможно, что в юношеской мечте автора «Заметок» о жизни в университетской библиотеке в случае ядерной катастрофы [8. Фрагм. 51] уже содержится нечто от установки на постоянное обновление «другим», характерное для кибер-мобильности. Существенное различие, правда, состоит в том, что кибер-мобильность приостанавливает историческое понимание уникальности происходящего момента, а имеющий в своем распоряжении только библиотеку находится в безвыходной ситуации, когда история «останавливается» сама и границы между обездоленным миром реальности и богатством воображения становятся как никогда очевидными.

Кибер-мобильность в текстовом пространстве позволяет добиться эффекта автономного и безопасного существования, вне каких-либо норм и правил (за исключением технических навыков), получить удовольствие от скоростей, масштабов обзора, разнообразных линий коммуникации, не доступных в координатах жизненного мира. Если утопия, пусть и временно, позволяет забыть о рисках исторической действительности, то мутопия создает разнообразные эффекты бесконечного приближения к рискам, которые, однако, оказываются всегда по ту сторону экрана, опосредованные чужими наблюдениями, сообщениями, репортажами.

Мутопия вытесняет сознание принципиально другого общества, но при этом является «другим» пространством по отношению к социальному, в котором действуют границы и обязательства, расстояния и дистанции, а также по отношению к утопии, в которой наблюдается строгая упорядоченность повседневности. Мутопия смещает любые порядки и дистанции, превращая любое явление и достижение в часть лавинообразной знаковой среды, а любой знак — в возможность непредсказуемой действительности.

Мутопия дальше от социального, чем любой утопический образ. Она сопрягает рационально несовместимое, реализует одновременность разнородного, удовлетворяя и усиливая желания небывалого. И вместе с тем мутопия встраивает социальное в свои сообщения-отражения, не прикладывая усилия к его изменению, которое происходит «автоматически» и незаметно под воздействием (на уровне масс-коммуникаций).

«Другое» мутопии: опыт земли и времени

Мутопия — медиа-среда, привлекающая своей неупорядоченностью и эффектами отсутствия границ, движением без правил, не требующим преодоления расстояний или неудобств пересеченной местности. Можно предположить, что «другое» мутопии — это реальность, вызывающая в сознании представления о препятствиях, тупиках, дефиците знаков и понимания. Это реальность природная, физическая, своеобразный опыт земли, бездорожья, пустыни, когда знаковая среда перестает работать или не в силах помочь.

Если неопределенность и знаковая насыщенность мутопии позволяет просто пребывать в информационной среде, меняющейся на глазах, то опыт земли требует немедленной человеческой реакции и способности определяться с маршрутами, ориентирами за ограниченный промежуток времени. Опыт земли — универсальная граница культурных миров, то, что периодически напоминает о себе, ставит перед лицом неупорядоченной действительности, заставляет вернуться к проблемной реальности жизни, хронологическому времени, к борьбе за существование.

Однако «другое» мутопии в собственном смысле слова — это опыт наблюдения, прерывающий разнородный поток информации или инерцию кибер-перемещений «неразличающего», «наивного» Я. Это опыт наблюдения рамочных условий чтения и существования, сети и потока: опыт «искушенного читателя», не идущего на поводу у гипертекстов, формирующего свои текстовые маршруты среди множества мифов, интерпретаций, точек зрения, и опыт занимающегося серфингом, разоблачающего иллюзии состояния покоя. Там, где «наивный читатель» видит сменяющиеся образы «другого», искушенный фиксирует повторение пройденного, парадоксальное стояние на месте в процессе кибер-мобильности; там, где «оседлое воображение» (З. Бауман) ищет постоянства и стабильности, следующий за потоком замечает хрупкость каких бы то ни было границ или стен.

Искушенный читатель, удерживающий равновесие на волнах — не экстерриториален и не парит над реальностью будней, он принимает неизбежность «сети» и «потока», не пытаясь найти или создать привилегированную позицию наблюдения, достигнув которой можно было бы взирать на «ускользающий мир» со стороны. Несмотря на свою принадлежность к академической среде, он занимает любое место, приспособленное для вдумчивого чтения, осознавая его «временность», промежуточность и уникальность на фоне общего движения. «Я сижу во дворе своего дома в Индиане. Сейчас позднее утро, начало лета, необыкновенно приятная погода...» [8. Фрагм. 56].

В отличие от киборга или теоретически настроенного наблюдателя, искушенный читатель ценит настроения и детали жизненного мира. Это не столько место уединения, сколько «полоска земли», на которой здесь и там наблюдаются разнообразие проявления жизни: «Коты нежатся в бликах солнца». «Бейсбольная перчатка моего младшего сына валяется в траве». «Владельцы участков подстригают лужайки». «Фиалки облюбовали себе место в самом углу». «Там, где сгустились тени, обнаруживается разнообразие: островки тонкого мха, подстриженные травы, дикий лук, растущий здесь и там молочай...» [8. Фрагм. 56, 57].

Наблюдатель не чужд феноменологическому многообразию природной действительности, которая противостоит утопической установке на элиминацию «хаотических кривых» дикой природы (Э. Лич). Но его временный «жизненный мир» также противоположен мутопии с ее критической массой повседневного «другого», нарушающего восприятие близкого, своего, настоящего.

На фоне неопределенного настоящего мутопии, ее смысловых смещений и «экранный сознания» возникает неутопическая, но близкая к утопии потребность определиться с близким, обратиться к тому, что есть (в том числе в шаговой, физической доступности). Это тот же «опыт земли», но имеющий не проблемный, а умиротворяющий характер, предполагающий опыт согласия на отдельно взятом участке пространства в отдельно взятый промежуток времени.

«Сейчас 3.30 утра. В домах на нашей улице, начиная с полуночи, выключен свет, за исключением нашего дома. На заднем дворе моя жена провожает семью енотов от нашего порога, где она готовила для них ужин, до дерева, где они живут. Это она делает каждую ночь. Свет от фонаря вспыхивает здесь и там в темноте» [8. Фрагм. 78].

Опыт земли — опыт тишины, спокойствия и снятия всех противоречий, который настраивает на утопические образы «перехода» к иному образу жизни, хотя в данном случае это не столько переход, сколько «возвращение к дому» после многочисленных переключений/приключений на уровне медиапространства. Здесь находит свое выражение универсальная, свойственная утопическому и доутопическому сознанию потребность в защищенном и обустроенном существовании без внутренних конфликтов и рисков встреч с принципиально чужим (5). Но в этом опыте также присутствует мутопическое размыкание границ между коммуникативной средой культуры и языками биосферы, между сферой человеческого разума и сферой природы, в которой «наш разум не находит себя».

Опыт земли не сводится к определенному топосу, с которым ассоциируется мир и благополучие, но связан с моментами понимания важности данного пространства и времени. «Другое» мутопии — дискретно и заставляет переживать происходящее, читаемое, наблюдаемое как неотъемлемую часть личной истории, а не потока отвлеченных сообщений, адресованных всем и никому в отдельности. Это также результат постутопического мышления, нацеленного на обретение заново «естественной установки сознания», преодоления (пусть и временного) привычек сетевого человека с его дефицитом органических и исторических связей (что в условиях кибер-мобильности становится почти невозможным).

Вместе с тем искушенный читатель — это все-таки читатель, который не пытается выйти за пределы мутопии, апеллируя к большим идеям Истории, Реальности, Подлинности. Мутопия включает в себя все малые и большие истории (в том числе любые «заметки о мутопии»), пополняющие ее текстовые архивы, но не способные противостоять ей на вербальном уровне (мутопия включает в себя все языки).

«Другое» мутопии подобно *punctum*’у, о котором Р. Барт говорил, ссылаясь на чтение разнообразных фотографий, как о той детали, которая, попадая в поле зрения, перекрывает абстрактность восприятия, символическое пространство, удерживающее взгляд в границах привычного языка культуры. *Punctum* влечет

за собой выпадение за пределы какой-либо парадигмы наблюдения, «схлопывание» пространственных и временных границ, дистанций, обеспечивающих сканирующее чтение. Это опыт непосредственной эмпатии к событиям того или иного микромира. В «стоп-кадрах мутопии» (И. Чичери-Ронай) у искусственного наблюдателя всегда есть возможность столкнуться с подобными деталями, отсылающими не столько к другим текстам или философским концептам, сколько к психологическому, внутреннему времени самого наблюдателя (6). Punctum — не идеал и не путеводитель в мире множества сообщений, скорее, это еще один знак, отличающийся от всех остальных тем, что отводит время для самосознания, личной памяти, коммуникации, невербальной или не опосредованной киберпространством.

«Другое» мутопии — «утопия тонкодисперсной пыли» (7), которая не является результатом намеренного конструирования или ненамеренного откровения или следования естественному пути. Постутопическое мышление не открывает модели «другого», отстраняющие наблюдателя от повседневной реальности, природы, масс-медиа. «Другое» может быть «в складках» повседневности, в комментариях о неповседневном, в чужих воспоминаниях и повествованиях о себе, в древовидных тысячелетних традициях и ризоматически возникающих сообщениях сети — везде, поскольку зависит от взгляда наблюдателя, его коммуникативной и языковой компетентности, экзистенциальной и читательской восприимчивости к событиям на границах текстовой и нетекстовой действительности, далекого и близкого, прошлого и настоящего. «Другое» мутопии непредсказуемо и спонтанно, как сама мутопия. Оно не окончательно и не изначально, как «пучки травы и цветов», оставленные нетронутыми «вблизи деревьев в ожидании фей» (8).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Дзесю ответил «му» (ву) на вопрос одного монаха — «Собака обладает природой Будды?». «Му» буквально означает «нет» или «никакой», но когда это слово дается в качестве коана (утверждения, сделанного учителем), оно не имеет никакой связи с буквальным значением: это «му», простое и чистое» [6. С. 286].
- (2) По словам Шестого Патриарха Эно, «хотя в местонахождении людей существует Север и Юг, в природе Будды не существует ни Севера, ни Юга» [4. С. 669].
- (3) «Вы приветствуете все. Блуждающие мысли? Прекрасно! Это великая Дхьяна Будды в самой оживленной деятельности сознания. Вы наслаждаетесь свободой игры в положительном самадхи» [4. С. 656].
- (4) Идею взаимосвязи topos'a и topic'a предлагает Х. Сильверман: «Измените интерпретацию topos'a и topos изменится» [14. Р. 177].
- (5) Р. Рорти говорит об этой потребности как о потребности «видеть своих детей сильными и здоровыми, а не больными и голодными, а также иметь достаточно досуга, чтобы жизнь не казалась лишь чередой страданий и боли» [13].
- (6) Применительно к фотографии Р. Барт писал: «Привести примеры punctum'a означает некоторым образом открыть свою душу» [1. С. 82].
- (7) «A utopia of fine dust» [8. Фрагм. 85].
- (8) «I have left clusters of grasses and flowers around the bases of the trees for the fairies» [8. Фрагм. 56].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Барт П.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. — М.: Ad Marginem Пресс, 2011.
- [2] *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир, 2004.
- [3] *Ильин И.* Мутопия // Постмодернизм. Словарь терминов. — М.: INTRADA, 2001.
- [4] *Кацуки С.* Практика Дзэн // Дзэн-буддизм. — Бишкек: Одиссей, 1993.
- [5] *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. — М.: Восточная литература, 2001.
- [6] *Судзуки Д.* Основы Дзэн-буддизма // Дзэн-буддизм. — Бишкек: Одиссей, 1993.
- [7] *Bauman Z.* Utopia with No Topos // History of the Human Sciences. — 2003. — Vol. 16. — N 11.
- [8] *Csicsery-Ronay I.* Notes on Mutopia // Postmodern Culture. — 1997. — Vol. 8. — N 1. The On-Line Journals Project of the Johns Hopkins University Press. URL: <http://pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.997/csicsery.997>
- [9] *Csicsery-Ronay I.* Notes on Mutopia. Abstract // Postmodern Culture. — 1997. — Vol. 8. — N 1. The On-Line Journals Project of the Johns Hopkins University Press. URL: <http://pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.997/contents.997.html>
- [10] *Hayles K.N.* Is Utopia Obsolete? // Peace Review. — 2002. — Vol. 14. — N 2.
- [11] *Marin L.* Frontiers of Utopia: Past and Present // Critical Inquiry. — Vol. 19. — N 3 (1993 Spring).
- [12] *Rabinovich S.* Utopia: Reading and Redemption // Diogenes. — 2006. — Vol. 53. — N 1.
- [13] *Rorty R.* Hope and the Future // Peace Review. — 2002. — Vol. 14. — N 2.
- [14] *Silverman H.J.* From Utopia/Dystopia to Heterotopia: An Interpretive Topology // Philosophy and Social Criticism. — 1980. — Vol. 7. — N 2.

AFTER UTOPIA: TOPOS OF OTHERNESS AND SOCIAL OBSERVER POSITION

S.V. Rudanovskaya

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article deals with peculiarities of utopian imagination and its mutations in infomedia. The emphasis is made on mutopia which includes utopia as a text, intended for reading on the margins of other texts, but excludes demands for utopian meta-otherness, transforming attitudes towards current society. A social observer in mutopia is first of all a critical reader without superior position of Reason and Reality and a kind of skilled surfer using indefinite, changeable, abundant mental environment for creating his/her own textual routs. Post-utopian thought emerges out of the special social observer experience and is analyzed in this article with inspiration from and on the basis of "Notes of Mutopia" by I. Csicsery-Ronay.

Key words: utopian imagination, mutopia, post-utopian thought, information space, cyber-mobility, critical reader, experience of otherness.

REFERENCES

- [1] Barthes R. *Camera lucida. Kommentarij k fotografii* (Camera Lucida: Reflections on Photography). Moscow: Ad Marginem Press, 2011.

- [2] Bauman Z. *Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obshhestva* (Globalization: The Human Consequences). Moscow: Ves' Mir, 2004.
- [3] Il'in I. Mutopija. In *Postmodernizm. Slovar' terminov* (Mutopia. In Postmodernism. Glossary of Terms.). Moscow: INTRADA, 2001.
- [4] Katsuki S. Praktika Dzjen. In *Dzjen-buddizm* (Zen Practice. In Zen Buddhism). Bishkek: Odissej, 1993.
- [5] Leach E. *Kul'tura i komunikacija. Logika vzaimosvjazi simvolov. K ispol'zovaniju strukturnogo analiza v social'noj antropologii* (Culture and Communication. The Logic by Which Symbols are Connected. An Introduction to the Use of Structuralist Analysis in Social Anthropology). Moscow: Vostochnaja literatura, 2001.
- [6] Suzuki D. Osnovy Dzjen-buddizma. In *Dzjen-buddizm* (An Introduction to Zen Buddhism. In Zen Buddhism). Bishkek: Odissej, 1993.
- [7] Bauman Z. Utopia With No Topos. *History of the Human Sciences*, 2003, vol. 16, no 11.
- [8] Csicsery-Ronay I. Notes on Mutopia. *Postmodern Culture*, 1997, vol. 8, no 1. The On-Line Journals Project of the Johns Hopkins University Press. Available at: <http://pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.997/csicsery.997>
- [9] Csicsery-Ronay I. Notes on Mutopia. Abstract. *Postmodern Culture*, 1997, vol. 8, no 1. The On-Line Journals Project of the Johns Hopkins University Press. Available at: <http://pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.997/contents.997.html>
- [10] Hayles K.N. Is Utopia Obsolete? *Peace Review*, 2002, vol. 14, no 2.
- [11] Marin L. Frontiers of Utopia: Past and Present. *Critical Inquiry*, Spring 1993, vol. 19, no 3.
- [12] Rabinovich S. Utopia: Reading and Redemption. *Diogenes*, 2006, vol. 53, no 1.
- [13] Rorty R. Hope and the Future. *Peace Review*, 2002, vol. 14, no 2.
- [14] Silverman H.J. From Utopia/Dystopia to Heterotopia: An Interpretive Topology. *Philosophy and Social Criticism*, 1980, vol. 7, no 2.